

Я стою на берегу информационного океана

Кратко подводятся итоги более чем десятилетнего интервьюирования российских социологов разных поколений. Рассматриваются некоторые аспекты методологии проведения интервью и их типологизации на базе отнесения к одному из семи поколений. Вводится понятие "функция поколения" и предлагается трактовать историю социологии как процесс рождения и становления новых поколений.

Ключевые слова: история современной российской социологии, поколение социологов, лестница поколений, функция поколения.

Борис Докторов
независимый исследователь

Светлой памяти моих друзей посвящается

В 2015 г. мы простились с несколькими социологами из их небольшой группы ученых, создававших советскую/российскую социологию. В первые дни года не стало А.В. Баранова, летом ушел В.А. Ядов, вскоре — С.А. Кутель и В.Э. Шляпентох, в самом конце года — И.В. Бестужев-Лада. Если вспомнить и тех, кто умер в последние несколько лет: Г.М. Андрееву, Б.А. Грушину, Ю.Н. Давыдова, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, И.С. Кона, В.В. Колбановского, Ю.А. Леваду, Руткевича М.Н., В.Д. Патрушева, В.Н. Шубкина, то приходится признать, что почти «сточилась» исходная, многолетняя вершина поколенческой пирамиды нашего профессионального сообщества. В настоящее время в нашем цехе число 30-40-50-летних ученых, вошедших в социологию в перестроечные и пост-перестроечные годы, много и много больше, чем тех, кто пришел в социологию до начала 80-х. Сказанное, наряду со множеством других обстоятельств актуализирует изучение прошлого и настоящего российской социологии, как и размышлений о ее будущем.

Прошедший год значим в развитии моего историко-социологического проекта, поскольку после десятилетия практически ежедневного интервьюирования российских коллег разных поколений, живущих в разных городах страны, я прекратил этот процесс, считая необходимым переходить к осмыслению собранной информации — это почти 140 продолжительных, глубоких интервью — и уточнению, развитию методологии изучения современной истории российской социологии. Когда я задумываюсь об этом, мне кажется, что я стою на берегу информационного океана. Покорить это пространство сходу крайне сложно, скорее всего — невозможно. Сначала придется долго ходить по заливам, осваивать прибрежные зоны и возводить на них маяки. Да и вообще непонятно, на лодке какой формы, какого веса, с каким запасом пропитания и питьевой воды следует отправляться в такое плавание. Первое, что придется сделать, — это подготовить своего рода гид, путеводитель по собранному материалу. И лишь затем — в неизведанное.

В статье кратко рассмотрены итоги проводимого мною историко-социологического исследования и предлагается общая схема перехода от накопленной биографической информации к истории отечественной социологии и обсуждению ее будущего.

Введение

При поддержке моих коллег в 2004 г., живя в США уже 10 лет, не особо раздумывая, я решился на рискованный маневр и приступил к изучению истории послевоенной — советской и постсоветской — российской социологии. Сегодня я понимаю, что думал бы долго, соотносил бы «за» и «против», скорее всего не начал бы этого исследования; уж очень значимы были «против». Ведь я нахожусь в пространстве, начисто лишенном соответствующей исследовательской инфраструктуры, в моем городке нет даже школы высшей ступени, есть лишь небольшая общедоступная библиотека. Достаточно близко от меня располагается Стэнфордский университет, но я не работаю в нем, и это не позволяет затребовать любую необходимую мне книгу из американских или российских библиотек; в самом же Стэнфорде рос-

сийская социологическая литература представлена весьма слабо. В Россию я езжу редко и нахожусь в ней не более недели, так что о посещении библиотек и самозабвенной работе там нельзя даже подумать.

Помощь пришла со стороны Интернета и электронной почты. Сейчас, десятилетие спустя, многие социологические книги и статьи, материалы конференций и журнальные публикации представлены в веб-сети, в то время ничего подобного не было. Электронная почта лишь осваивалась социологами старших возрастов, а именно они были наиболее интересны мне для обсуждения прошлого. Но выбора у меня не было; оставался единственный путь для получения информации о становлении и развитии социологии в СССР — интервью по электронной почте с участниками строительства социологии. Для российской реальности это явно был экзотический метод интервью, но и в американской литературе я не нашел статей на эту тему. Тогда в США лишь складывалась методология и практика онлайн-овых, прежде всего маркетинговых опросов, но мне не встречались подобные интервью, проводившиеся в рамках исторических поисков. Через пару лет после начала работы я писал, что избранный метод интервьюирования оказался одновременно спасительным и эффективным. Еще более я уверен в этом сейчас.

Безусловно, задумываясь об изучении прошлого нашей науки, я не мог не задавать моим собеседникам вопросы о тех или иных событиях в нашей научной жизни и о людях, сыгравших заметную роль в развитии советской социологии. Конечно, я это делал, но естественен вопрос, почему с самого начала процесса интервьюирования все беседы строились как биографические, т.е. человеку предлагалось рассказывать о себе, о своем пути? Прежде всего потому, что мое исследование рождалось не как историко-научное, а как собственно биографическое. Оно возникло не само по себе и не по чьему-либо заказу, но стало продолжением моего достаточно продолжительного анализа процесса становления и развития философии и методов американских опросов общественного мнения и биографий Джорджа Гэллага и первых полстеров. В какой-то момент я почувствовал, что нельзя замыкаться лишь на рассмотрении американского прошлого, необходимо изучать и российскую действительность, тем более, что до эмиграции я свыше двух десятилетий участвовал в проведении опросов общественного мнения. Поэтому прежде всего, еще до начала проведения интервью я написал статью о жизни и творчестве Б.А. Грушина, который тогда был жив и работал над своим известным сейчас «четырёхкнижием». А первое интервью было проведено с Б.М. Фирсовым, многие годы отдавшего изучению общественного мнения. И вообще, среди моих первых собеседников, большая часть занималась именно этого рода социологическими исследованиями.

Первые два-три года я не предполагал, что мое историческое изыскание окажется продолжительным и трансформируется из биографического в историко-социологическое и научное. Тогда свою задачу я видел лишь в проведении бесед с теми социологами, которых знал много лет и чей вклад в науку ни у кого не вызовет сомнений. Потому особенно не задумывался о выборке, отборе респондентов; полагал, что мое дело — сохранить для будущего воспоминания людей, много лет работавших

в социологии, а затем кто-либо (когда-либо) использует этот материал для воссоздания прошлого.

Это понимание цели своей деятельности точно отражено в названии моей статьи, опубликованной в первом выпуске «Телескопа» за 2007 г. — «Биографии для истории» [1]. Тогда я начинал понимать, что воспоминания моих коллег о *своем* пути в социологию одновременно являются фрагментом летописи нашей *науки*. Иными словами, что историю должно писать само социологическое сообщество, что она должна быть *многолюдной* и у нее должно быть много *авторов*.

Сегодня можно сказать, что описание послевоенного этапа развития советской, а также становления постсоветской социологии может быть многолюдным и многоголосым. Почти 140 интервью — это уже немало число соавторов. Но практически каждый из моих собеседников рассказал о его живых и умерших учителях, наставниках, коллегах. А это уже — приближающееся к *тысяче* количество человек, участвовавших в создании нашей науки.

Исходно, решение о множестве авторов было технологическим, но в ходе работы оно определило многие черты методологии исследования и превратилось в парадигматическое. Оно диктовало состав собеседников, характер интервью и многие другие особенности исследования. И еще одно: я сам принципиально затруднил себе торможение процесса сбора данных, тем более — его прекращение. Все начинало приобретать такой масштаб, когда во многом уже не я определял последовательность своих шагов, а само исследование.

Таким образом, я решил продолжать интервью с социологами и разнообразить состав моих респондентов. По мере роста количества проведенных интервью, как обычно бывает в *саморазвивающихся* проектах, возникали задачи, которые раньше не просматривались, но которые теперь требовали своего решения.

В частности, актуализировался вопрос о том, как собственно *переходить* от коллекции интервью с социологами к описанию истории социологии; прежде всего, это проблема методологическая, хотя и технологическая, особенно, учитывая объем и качественное многообразие биографической информации. В поисках решения этой задачи постепенно формировалось два центральных, взаимодополняющих исследовательских направления: *история в биографиях* и *биографии в истории*.

История в биографиях — это то, какими в воспоминаниях и рассказах социологов представляется прошлое и настоящее российской социологии. Другими словами, это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы. Постепенно, из анализа жизненных путей представителей разных поколений социологов выяснилось, что и пути вхождения ученых в социологию (т.е. *биографическое*) — это часть истории самой социологии, ибо они определяются не только обстоятельствами жизни человека, но и степенью развитости социологии как института.

Встречное, сопряженное направление изучения полученных интервью — *биографии в истории*. Это анализ того, как (большая) история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

Такая дуалистическая трактовка соотношения «биографии» и «истории» сложилась к началу 2007 года. Недавно, обращаясь к электронному вахтенному журналу, в котором я стараюсь ежедневно фиксировать сделанное, я обратил внимание на запись от 18 марта 2007 года. Отмечалось, что была закончена заметка о В.Б. Голофасте для «Чтений» его памяти в Петербурге. Как обычно, этот текст был разослан друзьям-коллегам, и в журнале оказался процитированным отклик А.Н. Алексева: «Во-первых, Ты,

наконец, решился впервые (повод достойный!) употребить свое заветное название — «История в биографиях и биографии в истории»».

Если записать рядом «история в биографиях» и «биографии в истории», то легко заметить, что синтез двух этих направлений в принципе дает возможность решить главную задачу настоящего исследования: через биографии социологов погрузить историю социологии в историю страны. Таким образом, с одной стороны, описание становления и развития науки оказывается соотношенным с «большой историей», прежде всего — с особенностями политики, идеологии, образования, а с другой — оно (описание) несет в себе субъективное, пережитое людьми. При этом, в фокусе этого исследования оказывается биография, а точнее — *человек*. Потому создаваемую мною историю российской социологии я называю *человекоцентричной*.

Одним из направлений проводимых исторических поисков стало написание статей о жизни и творчестве социологов, близких мне по совместной работе и по политико-идеологическим воззрениям. Назову статьи об А.Н. Алексее, Г.С. Батыгине, В.Б. Голофасте, Б.А. Грушине, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Леваде, Г.В. Старовойтовой, Б.М. Фирсове, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентохе, В.А. Ядове. Завершены и две первые биографические книги: о Б.А. Грушине и В.А. Ядове. Пожалуй, именно работа в этой нише позволяет наиболее глубоко и последовательно почувствовать, как макросреда детерминирует путь ученого и как его личный жизненный опыт отражается, дает о себе знать в его научном наследии. Другими словами, насколько *биографично* творчество социологов.

В силу молодости современной российской социологии и ряда других обстоятельств история нашей науки пока не осознала в полной мере необходимости широкого культурологического анализа биографий участников процесса ее создания, видя в них (жизнеописаниях) лишь нечто сугубо приватное, не детерминирующее особенностей профессиональной деятельности социолога. Мне думается, что, не изменив этого отношения к изучению биографий социологов, мы не только не ответим на многие принципиальные вопросы истории советской социологии, но у нас даже не возникнет стремления к их формулированию.

Вообще, множество причин обуславливают тот факт, что жанр научной биографии в нашей историко-социологической литературе разработан крайне слабо. Одна из них, ощущаемая каждым, кто приступает к подобной работе, — это проблема соотношения «объективного» и «субъективного», или вопрос о мере присутствия автора очерка, статьи, эссе в создаваемом им портрете героя. Еще в первых своих работах по истории опросов общественного мнения в США отмечал, что в соотношении двух принципов: «объективность» и «пристрастность» я отдаю предпочтение второму. Недостижимая абсолютная объективность — в лучшем случае, лишь цель исторического изыскания, нейтральность биографа не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам. Тогда как пристрастность может стать сильнейшим побудителем движения к объективности. Небольшая заметка Пушкина, резко критиковавшего Радищева за его «Путешествия из Петербурга в Москву», заканчивается словами: «...нет истины, где нет любви» 2, с. 210.

Теперь — о некоторых методологических, технологических и организационных аспектах рассматриваемого исследования.

Методика интервью (беседы)

Первыми в процессе работы заявили о себе проблемы построения, организации интервью. Было очевидно, что формализованный опрос (типа анкетирования) здесь мало эффективен, необходимо глубоко личностное, неформализованное интервью, предполагающее постоянное реагирование на сказанное респондентом.

Поскольку первые интервью проводились с коллегами, многие годы знакомыми мне по работе в одном институте, постольку не существовало вопроса организации диалога, не нужно было заботиться о достижении доверия между опрашиваемым и опрашивающим. Не возникало вопроса о характере обращения друг к другу; если в жизни «ты», то почему в интервью «Вы?», ведь это явно нарушало бы привычную, а потому комфортную атмосферу коммуникации.

Сказанное выше о рождении этого исследования объясняет тот факт, что с самого его начала жанр задумывавшихся интервью виделся как синтетический, объединяющий в себе черты мемуаров и собственно историко-научно-исследовательской работы. Историзм должен был возникнуть постольку, поскольку темой интервью являются значимые для человека события его профессиональной жизни (а у подавляющего числа опрошенных другой жизни фактически и не было), мемуарный аспект — поскольку не предполагалось ограничивать опрашиваемых в их праве освещать прошлое так, как оно виделось ими в описываемое время (т.е. в прошлом) и как представляется сейчас. Одновременно довольно быстро сложилось представление о том, что интервью в данном случае следует строить не на платформе — «респондент-интервьюер», а трактовать его как форму общения между коллегами и строить его с учетом ряда обстоятельств. Назову важнейшие из них: характер знакомства с респондентами до начала интервью (от многолетних дружественных до полного незнания), возраст (старшие, ровесники, более молодые), пол (как правило, беседы с мужчинами, которых ранее не знал, завязываются легче, чем с женщинами, с которыми не был знаком), близость исследовательских областей (проще общаться с коллегами, работающими в знакомых мне областях социологии, по-видимому, им — тоже), наличие общих знакомых, место жительства и работы (Москва, Петербург, другие города), регулярность их ответов на мои вопросы. Безусловно, существует и множество других объективных и субъективных моментов.

Весьма скоро оформилось одно из главных положений технологии моего интервьюирования: получив ответ на мой вопрос, я обычно посылал опрашиваемому лишь один новый вопрос; было понятно, что иначе не будет диалога. Ведь в нашем обыденном, повседневном общении мы задаем вопрос, ждем ответ и задаем следующий вопрос. Опубликованное интервью — это его видимая часть, но дело не в том, что тексты редактируются, практически я не вмешиваюсь в написанное, но в том, что во многих случаях одновременно с собственно интервью шла переписка с респондентом «за жизнь» и «за социологию». Поскольку я прошу человека рассказать о себе, то и я отвечаю на его просьбы и рассказываю о себе; иногда какие-либо события в жизни моего собеседника или в стране дают повод для обсуждения. Интервью с коллегой, особенно с тем, которого раньше не знал, в определенном смысле сравнимо с разговором с попугайчиком в двухместном купе поезда дальнего следования. Поезд тронулся, люди не знают друга друга, но ехать им долго, они — притираются. За сутки, а нередко и дольше, они — если контакт сложился — многое узнают друг о друге. Расходиться не хочется; так и после интервью и я, и мой собеседник нередко сожалеем, что общение завершается. Все же редко в нашей сегодняшней жизни человеку удастся рассказать о себе внимательному, заинтересованному (стараюсь быть именно таким) собеседнику.

Лестница поколений

В 2007 г., когда количество проведенных и проходящих интервью стало заметным (в районе 10-12) потребовалась некое правило для упорядочения собранной информации. Ответом на этот вызов стало построение «лестницы» социологических поколений, т.е. схемы, в которой учитывался бы возраст интервьюируемых социологов, но которая при этом была бы априори соотнесена с информацией о возрасте тех, кто стоял у исто-

ков отечественной социологии, и с традициями типологического анализа. Моих собственных данных еще было недостаточно для разработки поколенческой классификации, я активно пользовался материалами книги «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах», вышедшей под редакцией Г.С. Батыгина.

Принципиальный для каждой поколенческой классификации вопрос о временных границах поколений решался на основе общенаучного принципа минимизации количества *ad hoc* допущений. Это автоматически должно было устранить или приглушить субъективизм в отнесении респондента к тому или иному поколению. Итогом ряда теоретических рассуждений и анализа биографической информации стало принципиальное решение о равной протяженности, или продолжительности всех поколений.

В логике темпоралистики положение о равной продолжительности всех поколений означает следующее: во-первых, приоритетность «внутреннего» (в рамках развития социологии) времени в соотношении с «внешним», т.е. макроисторическим временем; во-вторых, «внутреннее время» меняется в целом с постоянной скоростью, без достаточно затяжных ускорений и торможений.

В целях обеспечения многовариантного анализа собранной информации продолжительность поколения была определена в 12 лет. Поясню это кратко. Делимость 12 на 2 позволяет говорить о старшей и младшей частях поколения; делимость — на 3 приводит к трем 4-летним слоям каждой когорты: младшие, средние и старшие; кратность 12 четырем открывает возможность для формирования четырех трехлетних слоев поколения и позволяет объединять младших одного поколения со старшими — следующего. Кроме того, продолжительность поколения в 12 лет имеет еще два позитивных свойства. Первое, именно 10-12-летние поколенческие объединения рассматриваются и анализируются в специальных исследованиях по возрастной (поколенческой) структуре населения многих стран. Второе, на временном интервале подобной продолжительности можно не принимать во внимание промежутки относительно коротких «убыстрений» и «торможений» социального времени. На более коротких — было бы сложнее.

Сама идея поколенческого анализа в историко-социологическом исследовании не была новой, но она оставалась лишь обозначенной, заявленной, но не была проработанной. Отчасти, потому что ни у кого не было большого массива биографий и, соответственно, не возникало потребности в ее сжатии. Помню, я сам удивлялся тому, что моя, построенная сутобо на пифагорейских (без учета социологической канвы типологизируемых «единиц») принципах, конструкция поколений в проведенных лабораторных испытаниях демонстрировала высокий уровень «внешнего оправдания», хотя при построении шкалы поколений не ставилась задача ее «подгонки», сопряжения с теми или иными макро событиями. Шкала *сама* вписалась в них; во что было сложно поверить.

И все же в начале апреля 2008 года я решил подготовить текст для его обсуждения в Институте социологии РАН на Вторых чтениях памяти Г.С. Батыгина. Как всегда, отправил написанное друзьям. Л.А. Козлова написала: «... Скажу только, что однозначно текст интересный, вызовет обсуждения. Причем даже у людей, которые не занимаются ни поколениями, ни наукой, ни биографиями. Поскольку в основе Вашего рассуждения — «синтетические» идеи». А.Н. Алексеев отметил, что некоторые достоинства модели поколений обеспечиваются «магией цифр» и «равенством временных интервалов, что, похоже и справедливо для социокультурных поколений». Вместе с тем, он не нашел в моем изложении сделанного необходимых для социолога пояснений и иллюстраций. В.А. Ядов отреагировал: «Мистика, но выглядит убедительно». Я благодарен В.В. Семенову, которая, несмотря на многие «темные места» в схеме поколений, все же решила изложить ее на конференции.

Во всяком случае, в последнем выпуске журнала «Телескоп» за 2007 год была опубликована моя статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом». В ней впервые было изложено мое видение «лестницы поколений» и рассмотрено движение ученого в социологию в опоре на его биографические данные и на поколенческие характеристики. Мои теоретические построения были испытаны на биографии Старовойтовой и, как мне тогда показалось, не «посыпались». В статье делался вывод, которым я руководствуюсь и сейчас: «Принадлежность к поколению — не титул и не звание. Система поколений — это лишь особый историко-научоведческий концепт, инструмент, позволяющий полнее описать становление общественной социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотносить «институциональное» и «человеческое» [3, с.9].

Теперь я иногда задумываюсь: а не являлась ли «мистичность», которую я сам ощущал в 2007 году, и которую отмечали Алексеев и Ядов, своеобразным проявлением «сумасшествия» идеи равных поколенческих интервалов, которая необходима каждой идеи, чтобы быть верной (принцип Н. Бора)? Конечно, здесь не имеется в виду верность отражения каких-либо процессов, происходящих в природе или обществе, но некое соответствие (релевантность) свойствам анализируемых историко-научных проблем.

Все прошедшие годы я постоянно работал с этой конструкцией поколений, достраивал ее, проверял на новом материале, и теперь я не вижу в ней ничего «мистического». Наоборот, раскрылся ее прагматизм. Безусловно, ряд исследователей в своих статьях и в личной переписке отмечали, что не могут согласиться с таким подходом, но при этом, никто почти за десятилетие не предюжил своего подхода к целостной поколенческой стратификации нашего профессионального сообщества.

Временные границы поколенческих интервалов приведены в Таблице 1 (второй столбец). Исключением является второе поколение, по возрасту оно практически не отличается от образовавших первое поколение, но они стали «первыми учениками, последователями «первых». Это объясняется макро-историческими обстоятельствами, а именно тем, что в течении трех десятилетий социология в СССР была фактически запрещена.

Созданная семичленная поколенческая типологизация сразу «заработала» как инструмент упорядочения проведенных интервью, но это была ее заданная заранее и относительно пассивная функция. Однако несколько неожиданно раскрылась ее активная функция, типологизация поколений стала базой для отбора респондентов.

На протяжении 2005-2012 гг. моими собеседниками были социологи первых четырех поколений, т.е. те, кто родился до

1958 г. Причин тому было много, и одна из них заключалась в том, что родившиеся позже долго казались мне «слишком» молодыми в качестве информаторов при изучении прошлого нашей науки. Лишь в 2013 г. было проведено первое интервью с представителем пятой профессионально-возрастной группы и начато изучение биографий исследователей шестого поколения советских / российских социологов. Знакомство с социологами пятого и шестого поколения происходило легко, быстро, и к концу 2014 г. суммарное количество бесед с представителями двух этих групп приближалось к 30.

Но спускаться еще ниже по лестнице поколений мне не хотелось, даже в первом полугодии 2014 г. я отмечал проблематичность того, что вообще, и, по крайней мере — в ближайшие годы, буду изучать седьмую когорту. Боялся исключительной неизвестности для меня этой общности. Когда в начале 1994 г. я уезжал из России, старшим было 10-11 лет, а самые младшие еще и не родились. Сейчас возраст социологов этой страны нашего сообщества варьирует в интервале от 20 лет до 31 года, и у меня было основание считать их «слишком» молодыми для беседы о прожитом и сделанном.

Однако в конце августа 2014 г. я решился на такой шаг; хотелось пусть немного узнать это «племя молодое, незнакомое». Но после того, как сомнения в правомерности изучения биографий социологов шестого и седьмого (тем более, пятого) поколений рассеялись, когда была построена система общения с ними, я с уверенностью могу утверждать, что все это было необходимо сделать. В рамках короткого перечня профессиональных поколений (первые четыре-пять) было бы крайне сложно изучать многие проблемы динамики науки, другими словами, без интервью с поздними поколениями автоматически снижается ценность информации, полученной от представителей первых когорт.

Как видно из Таблицы 1, сейчас в российской социологии работают представители семи поколений, и наше сообщество — высоко гетерогенно во многих отношениях. Задержимся на его возрастной стратификации.

Самые старшие родились через 10-12 лет после Октябрьской революции. Дедушки и бабушки некоторых из них были дворянами по происхождению или получили эти звания за заслуги перед страной. Родители ряда моих собеседников участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах и с энтузиазмом строили новую жизнь. Некоторые социологи первого поколения воевали на фронтах Великой Отечественной войны, те, кто еще не достиг призывного возраста, ежедневно следили за ходом войны, теряли родных, с нетерпением ожидали Победу.

Самые младшие в седьмом поколении родились после развала СССР, и для них все, относящееся к 70-ти летнему его существованию, — история. Наши самые молодые коллеги родились

Таблица 1. Главные функции первых семи поколений советской / российской социологии

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Кол-во опрошенных	Доминантная функция
I	1923 - 1934	8	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	13	Расширение предметного поля исследований
III	1935 - 1946	27	Развитие эмпирических методов
IV	1947 - 1958	36	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 - 1970	20	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 - 1982	21	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 - 1994	10	Вхождение в глобальное социологическое сообщество
Итого		135	

почти через полвека после 9 мая 1945 года, и космические полеты для них — обыденность, значительной части населения страны не интересная. Старшие — застали время появления «глубокого экрана» в домах, когда «на телевизор» ходили в гости или к соседям по коммунальной квартире, младшие — по окончании школы не могли представить себе жизнь без Интернета.

Первые поколения «пробивали» право заниматься социологией, все были социологами-самоучками, жили и работали за «Железным занавесом», материалы первых опросов обрабатывали вручную или на перфорационно-сортировочной технике. Представители седьмого поколения изучают социологию в российских университетах, в Англии, Германии, США, Франции, многие имеют или будут иметь научные степени от ведущих западных факультетов социологии и не могут представить свою жизнь, работу без персонального компьютера и изолированного специализированного софтвера.

К 2008 г., хотя у меня было лишь одно интервью с социологом пятого поколения и не было бесед с представителями следующих когорт, я рассказывал в интервью В.А. Ядову: «Заявило о себе пятое поколение (1959-1970), чьи годы рождения группируются вокруг временной отметки 1964-1965; многие из них уже отпраздновали свое сорокалетие. Думаю, что это люди принципиально иных воззрений на мир, на прошлое СССР/России, на историю советской/российской социологии, чем все предыдущие поколения. Их двадцатилетие пришлось на начало перестройки. Совсем сложно говорить о шестом и только зарождающемся седьмом поколениях. Годы рождения первого приходятся на интервал с 1971 по 1982 годы (то есть многим уже за тридцать), вторые — в буквальном смысле «дети перестройки»; старшие из этой возрастной когорты уже профессионально определились, а самые младшие (родившиеся в начале 1990-х) — на пороге выбора профессии. Ясно одно: жизненный опыт и ощущение мира, с которыми они входят в жизнь, принципиально иные, чем то понимание жизни и своего места в ней, с которым начинало социологию твое поколение» [4, с.65].

Теперь, обращаясь к интервью с молодыми социологами, проиллюстрирую сказанное. Вот фрагмент из интервью с Виктором Вахштайном (младшая страта шестого поколения): «Середина 90-х годов — пик так называемого еврейского возрождения. Я очень интенсивно включился в эту жизнь в 15 лет и оставался «внутри» до 21-го. А центральным элементом всей этой конструкции — еврейского национального возрождения — были так называемые Бейт-Мидраши: особый формат работы с текстами, разбор изложенных в них аргументов как ходов в шахматной партии. Мы учились видеть идеи как вещи. Так получилось, что практика бейт-мидрашей объединяла трех вечных антагонистов (и самых активных игроков в этом культурном пространстве): ортодоксальных религиозников («датим»), автономистов-традиционалистов («Гиллел») и светских сионистов («Сохнут»). Все читали тексты, все учились с ними работать как с ресурсом собственного воображения и мышления. И не важно, кто во что верил или не верил. Закончилось все, конечно, тем, что на мидраши мы все реже брали религиозные тексты и все больше — теоретические. А потом я уехал в Москву учиться социологии» [5, с. 3]. Кто из социологов первых пяти поколений в принципе мог бы (потенциально) пройти такой путь в социологию, как Вахштайн?

Вспоминая о своей учебе в Англии, Ядов рассказал о том, как он получил задание от «компетентных органов» и что он сделал. А вот как проходила учеба Айгуль Мавлетова (седьмое поколение): «Я уехала на год в Германию. В Университете Бонна я получала стипендию от DAAD и могла проводить исследования. Это был 2011-2012 г. Тогда начался мобильный бум. <...> Я решила провести эксперименты в области мобильных веб-опросов. За время пребывания в Университете Бонна я провела два эксперимента, один из которых — вместе с М. Купером. Так, были опубликованы мои первые две статьи в международных рецензируемых журналах (Social Science Computer Review и Survey Research

Methods). После возвращения в Вышку я продолжила сотрудничество с Купером в области мобильных веб-опросов. Мы опубликовали ещё одну статью в Journal of Survey Statistics and Methodology, а другая — скоро появится в Field Methods. Кроме того, мы также написали две главы по мобильным веб-опросам для книг, которые выйдут в 2015-2016 г. Одна из книг будет приурочена к довольно значимой конференции International Total Survey Error Conference: Improving Quality in the Era of Big Data» [6, с. 15].

В первые годы работы архив интервью накапливался весьма медленно. Так, к началу 2011 г., т.е. за шесть лет было проведено немногим более трех десятков интервью. Тем не менее, к 12 февраля 2015 г. оказалась реализованной почти мифическая цель: было закончено и размещено в Интернете 100 интервью.

В конце 2015 г. общее количество проведенных интервью достигло 135; но еще осенью я решил, что новых интервью начинать не буду: по-моему, и общее количество интервью, и численность бесед с представителями всех поколений — вполне достаточны для историко-социологического анализа. Тем более, что при необходимости можно откорректировать принятое решение и «добрать» некоторые из групп.

Безусловно, 135 биографий социологов в статистическом отношении не репрезентируют все сложно организованное многопоколенное и дисперсное сообщество советских/российских социологов. Но эта совокупность респондентов — не группа «случайных» людей, это — «лидерское», рискну сказать — «элитное» множество ученых, во многом определивших развитие советской/российской социологии на протяжении более полувека и давших импульс основным трендам в ее динамике на несколько десятилетий вперед. Методология настоящего историко-социологического изыскания, вообще говоря, не требует наличия группы ученых, статистически репрезентирующих генеральную совокупность социологов, к тому же я вообще сомневаюсь в возможности построить такую выборку. Уж очень неопределенна природа и параметры этого гипотетического генерального множества. Обсуждаемый проект задумывался и сложился как совокупность «кейсов», его можно трактовать как монографическое исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего — его ровесников и представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «матрицу событий», или «событийный каркас» большинства биографий.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало количество матричных ячеек, это означало, что результаты анализа собранной информации имели низкую логическую валидность. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Вот это-то и позволяет говорить о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Основанием для приведенных рассуждений являются выводы и практика статистического последовательного анализа (statistical sequential analysis), предложенного в конце 1940-х американским математиком А.Вальдом.

Теперь — совсем немного о «географии» проекта. В стартовые три года моими респондентами были исключительно петербуржцы и москвичи, первым социологом из не столичных городов был новосибирец В.А. Артемов (2008 г.); два года спустя — социолог из Иваново А.Ю. Мягков (2010 г.). Переломным — в силу ряда организационных моментов — оказался 2014 г., резко воз-

росло число проводимых интервью и сразу значительно изменилась география опроса. В 2014 г. состоялись беседы с социологами Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска, Сургута и Иркутска, Тюмени и Екатеринбурга, Ставрополя, Белгорода, Воронежа. Ранним утром 25 декабря 2014 г. я получил ответы на последние вопросы от С.Ю. Цыпенкова, калининградского исследователя рынка. Таким образом, мой опрос охватил всю территорию страны от крайнего Запада до Дальнего Востока.

Все это в начале 2015 г. породило заманчивую и — казалось — неосуществимую идею; подготовить и издать серию книг интервью с социологами одного региона. Но мое предложение было принято, и работа началась. Уже во второй половине мая вышла книга «Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век» [7]. Наличие в ней вводной статьи Ю.Р. Вишневого и Г.Е. Зборовского, коллективной статьи о Л.Н. Когане, воспоминаний А.Ф. Филиппова об отце — Ф.Р. Филиппове и шести интервью с активно работающими социологами разных поколений, дает богатый материал о рождении и развитии социологии в этом регионе. Вслед за этой книгой в таком же формате были подготовлены книги о Тюменской социологии «Становление и развитие социологии и социологического образования в Тюмени» (15 биографий, вводная статья В.В. Гаврилюк. Отв. ред. Н.Г. Хайруллина) [8] и Дальневосточной — «Молодая социология Дальнего Востока» (пять биографий, вводная статья Л.Е. Бляхера. Отв. ред. И. Ф. Ярулин) [9].

Коллекция биографических интервью обладает мощным *синергетическим эффектом* и сама по себе, даже без специального анализа, может рассматриваться в качестве историко-социологического исследования. Сразу открывается возможность для выявления общего и специфического в истории трех школ Сибирского пространства.

Анализ функций поколений как инструмент исследования истории социологии

Завершение основной части этапа сбора информации актуализировало задачу определения направленности ее дальнейшего анализа. И одним из наиболее сложных моментов является методология перехода от биографических интервью с социологами к истории социологии.

Проблема заключается в различии природы базовой эмпирической информации и выводов финального характера. Биографические интервью относятся к индивиду и раскрывают процесс его личностной и профессиональной социализации, таким образом, вся совокупность этого рода информации описывает жизнь и деятельность *социологического сообщества*. Но финальные выводы должны распространяться на науку, характеризовать ее становление и развитие. Представляется, что не существует непосредственного перехода от данных личностно-индивидуального свойства к историко-научоведческим. Необходим инструмент перехода, некая промежуточная ступень. Предлагаемый нами подход обосновывается на убежденности в том, что наука создается поколениями ученых, в которых каждый в зависимости от таланта, работоспособности, набора ценностей и прочих индивидуально-личностных атрибутов занимает собственное место, играет собственную роль. Таким образом, вырисовывается следующая трехступенчатая аналитическая конструкция: 1. проведение глубинных неформальных биографических интервью с социологами; 2. объединение социологов в поколенческие группы; 3. представление истории социологии как процесса формирования, развития и смены поколений.

Анализ накапливавшейся эмпирической информации подвел меня примерно в 2010 г. к идеи *функций социологических поколений*, их ролей в развитии науки. Но тогда в поле моего зрения находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений, и количество опрошенных не достигало и полусотни. Однако в январе 2015 г., когда было проведено около сотни бесед с социологами уже семи поколений, пришло время вернуться к рассмотрению функций поколений [10]. Вся

совокупность функций поколений включает в себя поиск ответов социологического сообщества на новые социальные вызовы, запросы, а также решение новых проблем методологического и инструментального характера, возникших внутри науки. Условно можно сказать, что ответы на первую группу задач востребованы обществом, тогда как удовлетворение второго типа требований ожидаемо самими социологами.

В моем представлении, каждое поколение — *многофункционально*, ведь функции зарождаются, постепенно оформляются, созревают, и они реализуются не одним, а рядом поколений. Но каждому из них время дает свою, *доминантную* функцию, отличающую его от предыдущих и последующих поколений.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что два наших ключевых образования: поколение и функция поколения — это субстанции, развивающиеся в разных *временных пространствах*. Поколение — это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т.д. Оно существует во *внешнем*, общем для всех *социальном* времени. Тогда как функция поколения — это производная от состояния науки, которая — естественно — не свободна от внешнего времени, но в известном плане независима от него, имеет свои собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во *внутреннем*, внутринаучном времени.

Таким образом, поколенческо-функциональный анализ истории советской и пост-советской социологии — *двухтематичен*, это изучение нашего прошлого-настоящего и будущего во *внешнем* и *внутреннем* временах.

В Таблице 1 представлены доминантные функции так, как они видятся мне сегодня. В дальнейшем их названия будут уточняться, поскольку четче, детальнее будет представление об историческом предназначении каждого поколения социологов.

И все же, уже сейчас очевидно, что главным делом (т.е. доминантной функцией) первого поколения было (оно само на себя взяло) — «конституирование социологии как самостоятельной науки». И оно выполнило свое предназначение. Второе поколение — это в целом ровесники первого, которые пришли в социологию несколько позже «первопроходцев», став их первыми учениками и последователями; эти люди приходили в науку с большим жизненным опытом и активно содействовали расширению предметного поля теоретико-эмпирических (прикладных) исследований в СССР. В третьем поколении много больше, чем во всех других, математиков и филологов. На первых были возложены задачи обоснования выборок, обработки больших массивов данных и т.д., на вторых ознакомление с зарубежной литературой, переводы. Социологи четвертого поколения входили в науку в годы застоя; в доперестроечный период они в основном работали по уже сложившимся научным направлениям и на базе известных методов, но уже в первые годы перестройки именно им пришлось осваивать достижения западной социологии и новые ниши приложения социологии: исследование рынка и изучение политики. Пятое поколение — первое постсоветское; им представилась возможность сразу работать в многопарадигматическом теоретическом пространстве, овладевать новыми методологическими подходами и эмпирическими методами. Шестое поколение формировалось в условиях заката застоя и бурных лет перестройки, сегодня старшим из них многим более сорока, младшим — слегка за тридцать. Им предстоит еще долго работать, и, как мне кажется, именно эта когорта должна будет определить лицо, специфику постсоветской российской социологии. Седьмое, еще формирующееся поколение социологов, может взять на себя «прописку» российской социологии в глобальном пространстве социологической науки. Многие из них будут стремиться к обучению в магистратуре европейских, американских, возможно — китайских и японских университетов. Основание для таких заключений дают интервью, проведенные с социологами самой молодой страты нашей многопоколенной семьи.

В целом, за десять лет бесед с социологами, многократного чтения и сопоставления их жизненных траекторий, путей их вхождения в науку и процессов их профессионального роста, мне удалось заметить, как формируются поколения ученых, в чем специфика каждой из когорт и в первом приближении перевести это понимание на язык поколенческих функций. И, таким образом, *функциональный* анализ социологических поколений может стать основным инструментом изучения истории отечественной социологии на базе собранной биографической информации.

Это и есть ответ на главный на современном этапе моего исследования вопрос о методологии и технологии перехода от совокупности биографических интервью с социологами к истории нашей науки. Функциональный анализ — это тот плот или легкая лодка, на которых можно попробовать обследовать прибрежные зоны Океана.

Основные публикации

Регулярная публикация и позже — размещение завершённых интервью в веб-сети — один из краеугольных принципов моего историко-социологического проекта. Иначе нельзя: я прошу людей рассказывать о себе, они идут мне навстречу, и я не имею права держать эту информацию «взаперти», тем более — за Океаном. Самая долговременная площадка публикаций — питерское издание «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». К концу 2015 г. вышло около 70 номеров журнала с материалами настоящего проекта в моей рубрике «Современная история российской социологии». В совокупности — это «толстенная» книга, порядка 150 авторских листов.

Интересна и продолжительна история существования интерактивной онлайн-книги: *Докторов Б. З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-конс. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПИМ, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>>. Задумка собрать все проведенные интервью на одном веб-сайте возникла у меня давно, и, пожалуй, она долго оставалась бы лишь намерением, но в начале мая 2011 года Андрей Алексеев «ошарашил» меня сообщением о том, что он уже собрал значительную часть проведенных интервью и просит меня дополнить его коллекцию. Когда все было сделано, директор Центра социального прогнозирования Франц Шереги предложил на базе этого собрания интервью подготовить онлайн-книгу. Эту пионерную работу проектировала и осуществляла руководитель IT Центра Института социологии РАН Елена Григорьева. И вот в середине ноября 2011 года родилась книга «Биографические интервью с коллегами-социологами», в которую вошли 40 интервью.

Беседы с социологами продолжались, увеличивался объем книги и приходилось готовить ее новые издания. Опущу детали, в конце сентября 2014 года в веб-сети появилось ее 4-е издание, объединившее 73 интервью. Но и на этом процесс сбора данных не завершился. Но в середине октября 2015 года он на какое-то время остановился на «точке» — 135 интервью.

Книга необычна тем, что у нее *нет начала*, и можно по-разному знакомиться с ней. Кого-то заинтересует жизнь и творчество первопроходцев; кто-то обратится к биографиям социологов, чьи работы, книги повлияли на его профессиональное становление; у кого-то может вызвать интерес возникновение той или иной социологической школы, скажем, «ленинградской». Часто читатели интересуются жизнью и деятельностью представителей своего поколения; тех, кто задумывается о будущем нашей науки, могут привлечь интервью с 20-30-летними коллегами.

Методология исследования, какой она представлялась в начале 2010-х гг., и некоторые результаты приведены в книге: *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013. Эта книга — не до конца

реализованный проект Б.М. Фирсова издать «двухтомник двух авторов». Наверное, еще в 2009 году он задумал переиздать свою книгу «История советской социологии 1950-1980-х годов: Курс лекций», выпущенную в 2001 г. Европейским университетом в Санкт-Петербурге, и предложил мне написать книгу по той же теме на основе проведенных интервью. Мы начали работу, однако процесс издания затянулся. Книга Фирсова увидела свет в 2012 году, а моя — годом позже.

В какой-то момент я засомневался в выходе моей книги в издательстве Европейского Университета и при поддержке Ф.Э. Шереги стал готовить уже почти завершённую рукопись к выходу в виде электронного продукта. Но при обсуждении всего сделанного, было решено готовить 3-х томник, который содержал бы теоретико-методологические результаты, все проведенные к тому моменту интервью и биографические статьи о российских социологах. Эта работа вышла в 2012 году. Но за два следующих года накопилось много новых текстов, что позволило выпустить работу: *Докторов Б. З.* Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6-ти т. [электронный ресурс] / редактор электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПИМ, 2014 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=389>>.

В последний день января 2007, т. е. точно девять лет назад, я отправил своим коллегам только что законченную статью «Биографии для истории» (См.: сноску 1). В ней подводились итоги двух лет проведения биографических интервью и рассматривались самые общие направления анализа собранной информации. 1 февраля были получены положительные ответы и ряд предложений по редактированию текста от И.С. Кона и А.Н. Алексеева. На следующий день я получил мнение о статье В.А. Ядова: «То, что я прочел, великолепно и по замыслу и по исполнению. Это — комплекс методологического, науковедческого, историко-биографического, притом четко эксплицированный».

Сегодня я еще раз благодарю моих коллег и буду двигаться прежним курсом, корректируя его с учетом сделанного в последующие восемь лет.

1. Докторов Б. Биографии для истории // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 1. С. 10-22 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796252400955file.pdf>.

2. Пушкин А.С. Александр Радищев // Пушкин А.С. Собрание сочинений: Т. VI. М.: Издательство художественной литературы, 1962. С. 210.

3. Докторов Б.З. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8-13 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf>.

4. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Социальная реальность. 2008. № 4. С. 47 — 81 <<http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-346.pdf>>.

5. Вахштайн В. С.: «Мы были «морем молодых», которые «выползли из тьмы» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований (Интервью Б. Докторову). 2015. № 6. С. 2-13 <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/vakhshtein_15.pdf>.

6. Мавлетова А. М.: Мечтаю, что когда-нибудь будет построена репрезентативная онлайн-панель в России» (Интервью Б. Докторову). <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=207&id=143>.

7. Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век / Под ред. Ю.Р. Вишневого, Б.З. Докторов, Г.Е. Зборовского (Отв. ред.) — Екатеринбург: УрФУ, 2015. <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=424>>.

8. Прошлое, настоящее и будущее Тюменской социологии. Интервью с социологами разных поколений / Под ред. Б.З. Докторов, Н. Г. Хайруллиной — Тюмень: НГУ, 2015. <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=438>>.

9. Молодая социология Дальнего Востока / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.З. Докторов, И.Ф. Ярулина (Отв. ред.) — Хабаровск: ТГУ, 2015.

10. Докторов Б.З. Калейдоскоп времен: ускорение, инверсия, нелинейность, многообразие / Научный ред. В.Н. Ярская-Смирнова. — Саратов: СПТУ им. Ю.А. Гагарина. 2015. С. 77-82.